

АЛЕКСАНДР
КОЗЛОВ

Все девчонки любят
ПАРАШЮТИСТОВ

Александр Козлов

**Все девчонки любят
парашютистов**

«Автор»

2026

Козлов А.

Все девчонки любят парашютистов / А. Козлов — «Автор», 2026

16-летний Саша мечтает о «настоящем мужском поступке» — не о поджоге сарая во дворе и не о драке за гаражами. Одна сцена в кино переворачивает ему голову: прыжок с парашютом становится идеей фикс. Друзья трусливо отступают, но он едет на аэродром один. Инструктаж, вертолет, открытая дверь в небо, крик выброшенного из проема Веснушки, шаг в пустоту, жесткое приземление на шоссе, вода из алюминиевой бочки и кулак, летящий в подбородок инструктора — все это половина пути. Вторая половина начинается во дворе, у подъезда, где живет Аленка с кошками. Саша приходит к ней «после неба», ожидая восхищения и признания. Но вместо оваций — спокойное «молодец». Это история о том, как жажда приключений сталкивается с реальностью, как мучительно хочется доказать свою «мужественность» и как трудно потом признать, что самый высокий прыжок — не из вертолета, а внутрь собственной честности. Визуальное оформление обложки выполнено при поддержке ИИ-сервисов «Алиса Про» и GigaChat

© Козлов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Жажда приключений	5
Глава 2. Решение	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Александр Козлов

Все девчонки любят парашютистов

Глава 1. Жажда приключений

В шестнадцать лет меня охватило странное, почти физическое ощущение чужой жизни. Каждый день повторялся до мелочей: школа с ее звонками и контрольными, двор с неизменными лицами, редкие походы в кино, пустые разговоры о девчонках, которых мы даже толком не знали. Вокруг все шло своим чередом, а внутри зудело чувство, что я существую как-то не так, мимо главного, и это «мимо» уже стало невыносимым.

Хотелось поступка. Не мелкого хулиганства, о котором потом рассказывают на лавочке, а настоящего приключения — большого, дерзкого, мужского. Такого, о котором спустя годы вспоминают и не верят, что все это когда-то сделал ты. От одних только этих мечтаний перехватывало дыхание, но сама мечта, пока еще бесформенная, упрямо не желала превращаться во что-то определенное.

Иногда по ночам я лежал с открытыми глазами и чувствовал, как внутри что-то натягивается, словно струна. Она звенела, дрожала, готовая лопнуть, а утром я вставал с этим же напряжением в груди и шел в школу, во двор — в день, уже выученный наизусть.

Проблема заключалась в том, что ни одна идея не казалась достойной. В голову лезли одни глупости.

Наш красногорский двор ничем не отличался от сотен других дворов середины девяностых: панельные дома с облупившейся краской на подъездах, детская площадка с проржавевшими турниками, выбитые доски на скамейках, мусор в сиреневых кустах. Летом воздух напитывался жаром от асфальта и резким табачным дымом, зимой пахло сыростью подвалов и бензином.

Мы с Лехой и Андрюхой обживали этот уголок мира с детского сада. Вместе переходили из группы в группу, потом в первый класс, в старшие — казалось, нас выдали одним комплектом: три одинаковых рюкзака, три похожих лица в школьном коридоре, три фамилии в классном журнале подряд.

Леха со своей невозможной худобой, вечно торчащими скулами и курткой нараспашку даже в промозглый март умудрялся производить впечатление человека, готового каждую секунду выдать что-нибудь особенно дурацкое. Впрочем, чаще всего на уровне идеи у него все и заканчивалось.

— А может, сарайчик подожжем? — как-то озарило его, когда мы сидели на бетонном блоке у торца дома, болтали ногами и ковыряли гравий кроссовками. — Во бабка Надька взвоят!

Он разразился своим гаркающим смехом, уже наполовину захлебываясь воображаемым дымом. Сизый голубь на ветке над нами дернулся и снялся с места.

— Вот дурак, — пробурчал Андрюха и привычно улыбнулся сам себе.

Улыбка будто приросла к его лицу: коротко остриженный «под ноль», с тяжелой челюстью и широкими скулами, он напоминал добродушного амбала, способного в любой момент на что-нибудь грубое, но чаще ограничивался вялыми комментариями.

— Да че ты че, здорово ведь! — не унимался Леха.

Я слушал их и ясно чувствовал, как что-то внутри отстраняется от всей этой сарайной романтики. Поджечь сарай бабке Надьке, получить по шее от родителей, а потом на лавочке

слушать восторженное «во мы тогда устроили» — ничего, кроме детскости, притворяющейся взрослостью.

Идей у Лехи хватало всегда. Сколько я его помнил, большинство из них оседало у него на языке, не превращаясь в поступки. Одни казались слишком хлопотными, другие — чересчур опасными, третьи — ленивыми даже для него самого.

Андрюха, напротив, отличался некоторой собранностью. Меньше болтал попусту, реже кидался в откровенные глупости, но и его жизненные горизонты тянулись ровно до трех пунктов: по максимуму уйти от учебы, по минимуму — от отцовского ремня, а для золотой середины оставить себе легкий флирт с незнакомыми девчонками у кинотеатра.

По пятницам и субботам у нашего кинотеатра творилось местное паломничество. Молодежь стекалась туда шумным нерестом: яркие куртки, дешевые духи, сигареты, смех, громкая музыка из чьих-то кассетников. Мы с пацанами устраивались у перил и начинали привычный ритуал оценивания.

— Вон та, в красной куртке, видал? — толкал меня локтем Андрюха. — Вот это я понимаю, женщина.

— А в синей? — не отставал Леха. — Та вообще бомба.

Дальше рассуждений о том, кто «ничего так», а кто «так себе», дело не шло. Ни у Лехи, ни у Андрюхи не складывалось ничего даже отдаленно похожего на реальные отношения. Слова, смешки, подначки — и все.

У меня же в то время возникало что-то свое, не вписывающееся ни в дворовые подколки, ни в киношные представления о любви.

Алена Устинова училась на класс младше. В школе ее замечали мало: тихая, аккуратная, с вечной тетрадкой по биологии. Во дворе она казалась совсем другой.

Я впервые по-настоящему обратил на нее внимание не в коридоре, а у подъезда. Она стояла на ступеньке, прижав к себе облезлую серую кошку с белой мордой, и серьезно убеждала меня в очевидной, с ее точки зрения, истине:

— Представь, какая она станет хорошенькая, если ее расчесать, — смеялась она. Смех звучал чисто, с легким звоном, как если бы крохотный серебряный шарик катился по стеклянной поверхности. — У нее под этими колтунами точно шикарная шерсть.

Васильковые глаза смотрели прямо, без кокетства, а в глубине взгляда пряталась легкая ирония к собственным словам: она прекрасно понимала, насколько это звучит глупо со стороны, но все равно не собиралась отказываться от своей затеи.

Кошка, зажата у нее на руках, тарасилась на меня зелеными глазами с откровенно враждебным выражением и хрипло мяукала. Но меня больше занимал не ее тигриный оскал, а сама Алена.

Волосы у нее с мягким пшеничным оттенком — густые, вьющиеся, живущие своей жизнью. Любой ветер, даже самый робкий, тут же подхватывал кудри и разбрасывал их по плечам. Вся она казалась настолько легкой, что одно неосторожное движение воздуха могло поднять ее над землей и унести за дом, оставив мне вместо нее лишь эту злобную кошку.

Рядом с ней все, чем мы жили во дворе — разговоры про «бомб» в цветных куртках, планы поджечь сарай Надьки, обсуждения новых марок пива — выглядело особенно убогим, плоским и чужим.

Мы с ней виделись часто. То она с очередной кошкой застревала у подъезда и звала меня в свидетели кошачьих превращений, то я сам выискивал глазами ее фигурку во дворе, как будто случайно проходил мимо. Разговоры наши не имели ничего общего с тем, что обсуждали Леха и Андрюха. Она рассказывала о растениях, о каких-то генах, о любимых книгах, а я слушал.

Когда Леха с Андрюхой заметили, что я все чаще исчезаю именно в те часы, когда во дворе можно заняться очередной «важной» ерундой, они переключились с сараев на меня.

— Ты чо, Сань? — выпрашивал Леха, щуря глаза. — Давай уже, позови ее. В кино своди. Тоже приключение, считай.

— Ага, — поддакивал Андрюха. — Представляешь, ты такой, типа, весь из себя... А она — за руку тебя. Романтика, мать ее.

Сама мысль о том, что придется подойти к Алене и произнести вслух: «Пойдем в кино», вызывала во мне целый шквал ощущений. В груди все сжималось, по спине пробежали мурашки, ладони становились влажными. С Лехой и Андрюхой я мог в подробностях разбирать чужие юбки и улыбки, но перед Аленой язык немел.

Впрочем, все устроилось иначе.

В тот день я возвращался из школы, волоча за собой тяжелый рюкзак со звякающими учебниками по физике и алгебре. Мозг переваривал формулы, ногам отчаянно хотелось домой, а душе — неизвестно чего, лишь бы не еще один унылый вечер на лавочке.

Алена вышла мне навстречу прямо у подъезда. В руках у нее снова сидела кошка — на этот раз рыжая, с белой грудкой и внимательным, почти человеческим взглядом.

— Саша, — окликнула она меня, будто всю дорогу шла навстречу с этим обращением на губах, — а как ты насчет в кино сходить?

Я остановился как вкопанный. Фраза ударила в голову так, что на несколько секунд окружающее перестало существовать.

— В кино? — переспросил я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Ну да, — она чуть напрягла губы в попытке изобразить улыбку, глаза округлились, испугавшись собственной смелости. — В кино. Ты же сам любишь всякие боевики.

— Конечно, — выдохнул я — все случилось само, без моих мучительных попыток. — А на какой фильм?

— Узнаешь — скажешь, — отшутилась Алена и перевела взгляд в сторону: легкий румянец проступил на щеках, она изо всех сил пыталась скрыть волнение.

Кошка, недовольная задержкой, мякнула, вывернулась у нее из рук и прыгнула на землю.

Друзьям я не рассказал ничего. Не из недоверия, а из уверенности, что поход в кино станет для них поводом гладко отшутиться и превратить важный для меня вечер в очередной анекдот.

Весь день до сеанса я просуществовал в состоянии легкого бреда. На уроках мысли уплывали далеко от доски, слова учителей ломались о внутренний шум. Я снова и снова прокручивал в голове возможные реплики, вел воображаемые диалоги, до мелочей представлял, как мы будем сидеть в зале и делать вид, что поглощены просмотром фильма.

К вечеру ладони превратились в две маленькие потные катастрофы. Плитка шоколада, купленная по дороге к кинотеатру, норовила выскользнуть из пальцев.

— Это тебе, — протянул я, ощущая, как внутри все сжимается.

— Давай пополам, — без всякого кокетства сказала Алена и приняла шоколад как нечто само собой разумеющееся.

Кинотеатр встретил нас привычным запахом попкорна, стертого ковролина и дешевых духов. В фойе толпилась та самая пятничная публика, которую мы с Лехой и Андрюхой не раз обсуждали, стоя у перил. Теперь я шел мимо всей этой толпы рядом с Аленой и никак не мог поверить, что именно ко мне она обратилась с тем самым «как насчет сходить в кино?».

Мы купили билеты, нашли свои места. Свет в зале погас, экран вспыхнул, поднялся привычный гул в динамиках.

Показывали американский боевик девяностых. По сценарию полагались погони, перестрелки, громкие хлопки взрывов и крики на английском с однообразным мужским голосом переводчика поверх. Все это возникало на экране почти автоматически — положенный набор трюков, виденных мной не раз.

Мы сидели рядом и молча делили шоколадку. Обертка шуршала в темноте, пальцы изредка соприкасались. Время от времени Алена чуть шевелилась, поправляя кудри или устраниваясь поудобнее. В темноте ее профиль вырисовывался мягким и упрямым. Я делал вид, что внимательно слежу за сюжетом, хотя от фильма в сознании оставался сплошной звон и мелькание машин.

И вдруг все оборвалось.

На экране открылась дверца самолета. Шум в салоне резко усилился, поток воздуха рванул внутрь, камера двинулась к самому краю фюзеляжа. Человек в комбинезоне шагнул из тесной металлической коробки в светящуюся пустоту. Пол под ногами исчез. Воздух сомкнулся вокруг, и земля далеко внизу превратилась в размытое лоскутное одеяло.

Падение заполнило собой весь экран. Никаких слов — только свист ветра, порывистые толчки воздуха и стремительно ползущие вверх облака. У меня в затылке что-то хрустнуло, голова чуть закружилась, ладони снова вспотели. Фильм перестал существовать как история, превратившись в один-единственный кадр: человек, не удерживаясь ни за что, отдает себя на волю неба.

Прыжок длился всего несколько секунд. Затем купол парашюта с хлопком раскрылся над головой. Фигура на стропах резко дернулась вверх и зависла в странной, неземной тишине. Шум исчез, остались только легкие порывы ветра и ровное дыхание.

В это мгновение внутри меня все встало на свои места. До меня вдруг дошло, что все это время я чувствовал себя так же — будто стою на краю чего-то огромного, а под ногами нет опоры. И теперь я знал, что единственный способ перестать бояться пустоты — это шагнуть в нее.

До этого «приключение» оставалось внутренним зудом без формы. Теперь она возникла — ясная, осязаемая, пугающая и в то же время притягательная. Прыгнуть с парашютом. Не думать о резинках, роликах и прочих аттракционах, а выйти в воздух там, где уже не за что держаться. Пройти эту секунду, когда ноги шагают в никуда, а сердце пытается пробить грудную клетку изнутри.

Я перестал замечать происходящее на экране. Герои бегали, стреляли, кого-то спасали — меня это не касалось. В голове вспыхнула и не гасла одна-единственная мысль: «Я должен так же».

Мы вышли из зала в толпу и шум. Чужие голоса, запахи попкорна и табачного дыма сливались в один общий гул. Свет бил в глаза. Я шел рядом с Аленой, и новые мысли перекрывали все прежние.

— Фильм так себе, — заметила она, пока мы спускались по лестнице. — Стрельбы много, толку мало.

— Зато прыжок... — вырвалось у меня.

Алена чуть наклонила голову.

— А-а... — догадалась она. — Ты про этого летчика-спасателя?

Я кивнул.

— Красиво снято, — произнесла она и посмотрела на меня чуть пристальнее обычного — взгляд сделался серьезнее. — Только ты себе не вздумай в голову чего лишнего брать. Ты ведь ничего себе такого не напридумывал, да?

Я промолчал. Уже тогда внутри зарождалось твердое: «Поздно. Уже взял и напридумывал».

По дороге домой мы почти не разговаривали. Каждый шаг давался мне странно легко — асфальт под ногами пружинил, как туго накачанная камера. Вечерний воздух стоял плотный, насыщенный, и в нем отзвуком держалась та самая высотная тишина, оставшаяся в голове после кадра с раскрытым куполом парашюта.

У подъезда Алена остановилась.

— Спасибо за компанию, — сказала она и чуть пожала плечами. — Фильм не очень, мне больше нравятся поспокойнее, что ли. Зато не скучно провели вечер — такое нечасто бывает.

— И тебе, — ответил я. — Спасибо, что выдержала этот... не девичий фильм.

Она махнула рукой и скрылась в дверях. Я остался на улице, слушал, как где-то сверху хлопают окна и гремят кастрюли, и пытался ухватить ускользающее ощущение: только что во мне что-то сдвинулось.

Ночью сон крутился, как пленка в старом проекторе. Стоило закрыть глаза — появлялся люк в небе, гул двигателя, край пола, куда ставишь ногу, а за ним — глухая белесая бездна. Я шагал туда снова и снова, каждый раз по-новому: то уверенно, то спотыкаясь, то позволял кому-то толкнуть себя в спину, то сам, стиснув зубы, отталкивался от металла.

Иногда внизу возникал аэродром, на котором Леха с Андрюхой махали руками, строили рожи и показывали большие пальцы. Иногда они тоже стояли в дверях рядом со мной, а потом оказывалось, что прыгнул один я. Чаще всего внизу, на самой безопасной и неподвижной земле, появлялась Алена. Она смотрела снизу вверх, прикрывая рукой глаза от солнца, а рядом у ее ног шмыгала знакомая рыжая кошка.

С каждой новой «проекцией» внутри росло не только желание, но и страх — пополам. В одни моменты идея обретала крепкую форму: вон люди же прыгают, существуют аэроклубы и инструкторы. Тогда я мысленно примерял на себя образ «настоящего мужчины» — смелого, решительного, способного на настоящий поступок.

В другие моменты эта же мысль превращалась в ледяной комок: промахнись с кольцом, запутаются стропы, порыв ветра — и все. Тут же на поверхность всплывали давние детские страхи: ощущение собственной хрупкости, холодок под ложечкой и понимание, что мир не всегда безопасен.

Ближе к утру мысли перестали складываться в связный ряд. Сон накрыл меня резко, как обморок.

Проснулся я с удивительно ясной мыслью: надо найти, где у нас записывают на прыжки. Не потом, не когда-нибудь, а сейчас — пока впечатление от кадра из фильма не растворилось в череде обычных дней.

Там, где еще вчера уютно расположилась беспокойная жажда чего-то неопределенного, сейчас возникло конкретное намерение. Я наконец почувствовал точку опоры.

Правда, еще не до конца представлял, во что обойдется попытка доказать себе собственную «мужскую» состоятельность и какие страхи придется прожить по дороге к тому самому шагу в пустоту. Но в то утро это не имело для меня никакого значения. Внутри укрепилось твердое решение: отступать уже нельзя.

Глава 2. Решение

Утро расплзлось по квартире запахом пережаренного лука и звоном посуды. На кухне спорили негромко, но упорно — о ценах, талонах и том, что «раньше все было по-человечески», — и этот вечный родительский фон лишь подчеркивал мое собственное, слишком личное возбуждение.

Я сидел за столом, равнодушно размешивал сахар в крепком чае и почти не слышал ни слова. Внутренний экран упрямо крутил один и тот же фрагмент: люк в небе, резкий рывок ветра внутрь, шаг в пустоту.

Фильм отступил, растворился, а кадр не отпускал. Он превратился в вызов, адресованный не безымянному герою на экране, а мне самому.

После завтрака я сунул ноги в кроссовки, кинул в прихожей невнятное «Я во двор» и вышел на улицу. Внутренне требовалось поговорить с кем-то живым. В одиночку такие мысли либо рассыпаются, либо впиваются в голову занозой.

Леха и Андрюха облюбовали привычное место у подвала. Стена прогревалась, к ней так и хотелось прислониться спиной. В руках — по пластиковому стаканчику с газировкой, у Лехи еще дымилась сигарета, которую он держал с подчеркнутой непринужденностью.

— О, парашютист идет, — ухмыльнулся он, заметив меня.

— С чего это — парашютист? — непонимающе спросил я.

— Да ты вчера такой в кино сидел, — вступил Андрюха, — будто сам там в десант записался. Я же видел.

Оказалось, он тоже ходил на сеанс, только сидел ниже, в другом ряду, чтобы не мешать моему «свиданию». Я тогда не заметил ни его, ни кого бы еще, кроме светящегося прямоугольника экрана.

Я помолчал, чувствуя, как внутри поднимается давно ожидаемая фраза.

— Да, реально хочу прыгнуть с парашютом, — сказал я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Повисла короткая пауза. Леха замер с сигаретой у губ, Андрюха чуть приподнял брови.

— В смысле... посмотреть? По телеку? — осторожно уточнил Леха.

— В смысле — самому, — произнес я медленно. — С самолета. Как в фильме. Настоящий прыжок. На аэродроме.

Слова прозвучали неожиданно спокойно, почти буднично, хотя сердце толкалось где-то под глоткой.

— О, поперло, — фыркнул Леха, выпуская дым. — Нашел себе игрушку.

— Да ладно, — протянул Андрюха. — И че, так можно? Нас же, мелких, не примут, — и завистливо покосился на меня сбоку.

— Мы не такие уж и мелкие, — возразил я. — Шестнадцать. Люди и моложе прыгают.

Откуда взялась такая уверенность, я не знал, но в этот момент она требовалась мне как броня.

— А где вообще? — Андрюха наклонился вперед. — Ты узнавал?

— Узнаю, — ответил я. — Есть аэродромы. Домодедово, например.

Название, не раз слышанное раньше по телевизору и в маршрутках, сейчас обрело особый вес. Домодедово звучало так, будто там начинаются чужие, взрослые миры.

— Слушай, — Леха затушил окурок о бетон, — а давай вместе? Че, мы хуже? Спрыгнем всей компанией, как те спецназовцы. Можем и клички себе придумать. Ты будешь... Ястреб, а я... Сокол.

— А я кто? — немедленно встрял Андрюха. — Ворон, что ли?

— Ты — Танк, — объявил Леха после короткого осмотра. — По габаритам подходит.

Мы расхохотались. Три пацана с дворовой скамейки уже мысленно шли строем к самолету, где их ждала новая судьба. Со стороны это наверняка выглядело глупо, но внутри каждого из них зарождалась уверенность.

— Сначала узнаем, как туда попасть, — сказал я, усмехнувшись. — А потом уже клички придумывать.

— Узнавай, — великодушно махнул рукой Леха. — Мы с тобой. Правда, Танк?

— Конечно, Сокол, — серьезно кивнул Андрюха. — Скажешь когда.

Фраза прозвучала обещанием, которое они сами еще не успели примерить к себе. У меня под лопатками пробежал ледяной укол: с этого мгновения любое отступление превращалось не просто в отказ от идеи, а в позор перед ними и самим собой.

В середине девяностых путь к любой информации пролегал не через поисковики, а через людей, случайные обрывки разговоров и пожелтевшие объявления на стенах. Интернет обитал где-то в иных, далеких, недоступных простому обывателю сферах. У нас имелись телефоны справочной, школьные учителя, спортклубы и бабки на придворовых скамейках, которые знали все обо всех и обо всем.

Я вспомнил, как наш физрук однажды обронил фразу о прыжках с парашютом. Тогда это проскочило мимо ушей, теперь же всплыло так отчетливо, словно позвали по имени.

После уроков я зашел в спортзал. Там пахло резиной от мячей, магниезией и еще не выветрившимся потом. Физрук перебирал какие-то бумаги у стола, когда я вошел.

— Тимур Игнатьевич, — нерешительно начал я, — а вы как-то говорили... про прыжки. Парашютные.

Он поднял голову и прищурился.

— Загорелся? — спросил не без иронии. — Фильмов насмотрелся, что ли?

— Хочу попробовать, — прямо произнес я.

Физрук вздохнул, отложил бумаги, порылся в стопке журналов и вытащил помятую ксерокопию объявления. Газетный шрифт расплзался, но текст читался.

— Есть клуб, — сказал он. — Ребят с нашего города туда возят. Инструктаж, один прыжок. Запись у них через завод, механический. Сквер напротив проходной, по субботам, с восьми до девяти. Приходите «по адресу».

Пальцы у меня слегка дрогнули, когда я принял листок.

— Родителям скажешь? — небрежно поинтересовался Тимур Игнатьевич, хотя в голосе прозвучала забота.

— Скажу, — автоматически ответил я.

Вообразить себя стоящим перед отцом с фразой: «Пап, я хочу прыгнуть с парашютом», не получалось. Его привычные речи о «хлюпиках» и «размазне», а также виртуозное владение ремнем вспоминались чересчур ясно.

Физрук немного помолчал, потом добавил:

— Запомни только одну вещь. Геройство не в том, чтобы лезть куда попало с закрытыми глазами. Геройство — когда страшно, а ты все равно делаешь шаг, но при этом головы не выключаешь.

Фраза прозвучала почти как цитата из умной книги. Тогда я лишь кивнул и поспешил выйти, чтобы перечитать объявление в одиночестве. Настоящий смысл этих слов догонит меня позже. Гораздо позже.

На следующий день я нарочно задержался у подъезда дома Алёны. Это вошло в привычку — день выстраивался вокруг короткого отрезка пути. Утренние сборы в школу, дневные уроки, шумный коридор — все вело к моменту, когда дверь ее подъезда откроется и на ступеньках появится знакомая фигурка с кошкой.

В этот раз у нее на руках устроилась черно-белая мурка с мордой в темной маске. Кошка лениво шевелила ушами, но смотрела настороженно.

— Дежурная по зверинцу, — не удержался я, кивая на кошку.

— А кто еще? — пожала плечами Алена.

Улыбка тронула ее губы, глаза блеснули. Внутри меня все напряженно сжалось: слова о прыжке сами рвались наружу.

— Я... — начал, но тут же замолчал, будто невидимая рука сжала горло. — Ты помнишь тот фильм?

— Вчерашний? — она наморщила лоб. — Где они орут и стреляют? Или ты про момент, когда этот... как его... сиганул из самолета?

Алена отыскала в общей каше сюжета именно тот фрагмент, который теперь не отпускал меня.

— Про прыжок, — мне стало легче после ее слов. — Я решил... Хочу так же. С парашютом. Не в кино. На аэродроме.

Ее пальцы чуть сильнее сжали кошачью спину. Рыжие усы дрогнули.

— Саша... — медленно произнесла она. — Ты это серьезно?

— Серьезнее некуда.

Всего за пару секунд на ее лице сменилось несколько выражений: удивление, недоверчивая усмешка, заметная тревога.

— А твои друзья? — спросила она. — Леха, Андрюха. Они тоже с тобой или это такой... сольный полет в небытие?

Вопрос застал меня врасплох. Настоящий ответ — «я и сам не знаю, придут ли они» — не пожелал обрести голос. Вместо него послушно вывернулось другое.

— Они хотят, — произнес я. — Говорили, что пойдут. Мы же вместе.

Горячая волна стыда прокатилась от шеи к ушам. Лгать ей казалось особенно мерзко, однако перспектива услышать из ее уст «твои трусы уже струсили» резала сильнее.

— Знаю я их «хотят», — тихо усмехнулась она. — Струсили еще до того, как пообещали.

— Нет, — резко вскинулся я. — У них дела. Возможно. Родители там, у Лехи мотоцикл, у Андрюхи дача и грибы...

Голос звучал слишком резко, уши горели все сильнее.

Алена посмотрела внимательно, прищурившись.

— Ладно, — произнесла она наконец. — Твои друзья — это твои друзья. Разбирайся сам, я никого не хочу подколоть. Ты только сам не передумай на полпути.

— Не передумаю, — ответил я слишком быстро. — Обещаю.

— Уж постарайся, — кивнула она. — И вернись, пожалуйста, целым. Мне еще кошек на кого-то перекладывать.

Черно-белая мурка, услышав свое мимолетное упоминание, деловито спрыгнула на асфальт и принялась вылизывать лапу, не обращая ни малейшего внимания на наш разговор. Этот равнодушный жест запомнился почему-то сильнее многих слов, которыми мы еще обменялись с Аленой.

Несколько дней до субботы растянулись резинкой, которую осторожно тянут, не решаясь отпустить. Решение, однажды оформленное, теперь меняло плотность: в одни часы я мысленно представлял себя в небе, слушал шуршание строп, ощущал под ногами воздух; в другие — ледяной ком теснил грудь при мысли о том, что и парашют может не раскрыться, и инструктор окажется не столь внимательным. Ночью я лежал, прислушиваясь к собственному дыханию, и не мог определить, какая из этих двух половин настоящая.

В пятницу вечером я сообщил родителям, что утром мы с пацанами едем на дачу «к знакомым» — «грибы, велосипеды, воздух». Отец мрачно буркнул что-то про «без пьянки чтоб обошлось», мать, как всегда, напомнила про куртку и деньги на проезд. Вопросов, к моему облегчению и разочарованию одновременно, никто не задал.

Накануне я проверил в кармане листок с помятым объявлением. Слова «сквер напротив проходной механического завода, с восьми до девяти» выглядели координатами входа в другую жизнь.

Утром, когда во дворе еще холодила непрогретый воздух, я уже вышел из подъезда. Асфальт еще дышал ночной сыростью, по нему ползли серые тени от деревьев. Город только просыпался.

Сквер напротив проходной встретил меня запахом влажной земли, сырости и дешевого табака. На лавках поодаль устроились какие-то мужики с пластиковыми бутылками, но под широким деревом ближе к дороге собралась небольшая группа. Человек пятнадцать — кто постарше, кто примерно моего возраста.

Я подошел ближе.

Парень с рыжеватыми волосами и россыпью веснушек на лице привлек взгляд сразу. Веснушки покрывали его настолько плотно, что кожа напоминала ржаную лепешку, которую природа по какой-то прихоти разметила глазами, носом и ртом.

— Ты тоже первый раз? — спросил парень, заметив мой взгляд. Он нервно переступал с ноги на ногу, ладони прятал в карманах куртки.

— Первый, — кивнул я.

— Влад, — представился он. — Но все... — он смущенно усмехнулся, — зовут меня Веснушкой, сам понимаешь.

Улыбка вышла кривой, но в ней чувствовалась попытка заранее посмеяться над собой, чтобы другим стало нечего добавлять.

— Саша, — коротко ответил я.

Мы помолчали, прислушиваясь к редким фразам вокруг. Кто-то рассказывал про знакомого, который «прыгал уже три раза», кто-то снабжал окружающих полуанекдотами про купола, которые вовремя не раскрылись. Смех звучал нервно.

Я время от времени косился в сторону тротуара, надеясь среди спешащих людей увидеть знакомые силуэты. Внутри еще теплилась наивная мысль, что Леха с Андрюхой передумают и все-таки придут, хотя бы посмотреть на автобус. Порог ожидания опускался ступенями: сначала верилось, что они успеют до восьми, потом — что доберутся к самому отъезду. Чем ближе подползало время, тем яснее проступал простой факт: никто из них сюда не собирался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.